ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

ІОАННО-ПРЕДТЕЧЕНСКАГО ЛЕУШИНСКАГО ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи

ИЗДАНІЕ ПЕРВОЕ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1890

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

ІОАННО-ПРЕДТЕЧЕНСКАГО

ЛЕУШИНСКАГО

ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи

ИЗДАНІЕ ПЕРВОЕ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Сѵнодальная Типографія
1890

От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать позволяется. С.-Петербург, Ноября 27 дня 1889 года.

Цензор Архимандрит *Тихон*.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

начальнаго возникновенія и устройства Іоанно-Предтеченскаго Леушинскаго женскаго общежительнаго монастыря, Новгородской губерніи, Череповецкаго уѣзда *).

Верстахъ въ 40 отъ города Череповца, Новгородской губ., мирно расположена среди окружающихъ ее лѣсовъ пустынная женская обитель во имя Славнаго Предтечи Господня Іоанна. Не болѣе 25 лѣтъ тому назадъ мѣстность эта, на широкое пространство покрытая непроходимыми лѣсами, служила лишь убѣжищемъ для дикихъ звѣрей и злыхъ людей, занимавшихся здѣсь грабежами, преимущественно конокрадствомъ. Бѣжавшіе изъ тюремъ и изъ ссылки, безпаспортные бродяги здѣсь находили себѣ удобное убѣжище, такъ какъ положеніе этой

*) Лѣтній путь въ обитель: отъ Рыбинска на пароходѣ по рѣкѣ Шекснѣ до монастырской пристани Борки (проѣздъ около 12 часовъ). Зимній путь: изъ Рыбинска на лошадяхъ на городъ Мологу (всего 90 верстъ).

*

мѣстности, составляющей уголъ Новгородской губерніи, среди трехъ сосѣднихъ губерній: Вологодской, Ярославской и Тверской, весьма способствовало имъ: перебѣгая лѣсами изъ одной губерніи въ другую, они удобно укрывались отъ преслѣдованій властей и скрывали слѣды своихъ преступленій. Еще и по сіе время нѣкоторые изъ старожиловъ хорошо помнятъ и разсказываютъ о тѣхъ временахъ: сами они сознаются, что нѣкоторые изъ нихъ укрывали у себя на зимнее время злодѣевъ, опасаясь ихъ мщенія, и даже способствовали имъ въ сбытѣ краденаго. Окрестные поселяне занимались, кромѣ земледѣлія, ковкою гвоздей и обжиганіемъ угля и жили всѣ сравнительно достаточно. Помѣщики этой мѣстности рѣдко посѣщали свои усадьбы; состоя на службѣ гдѣ либо въ городахъ, они лишь изрѣдка навѣдывались сюда, и то лишь въ лѣтнюю пору и съ большими затрудненіями; дороги желѣзной (Рыбинской) въ то время еще не было, пароходы по рѣкѣ Шекснѣ еще не ходили,—приходилось ѣхать на лошадяхъ въ простыхъ телѣгахъ, ибо по такимъ дурнымъ дорогамъ нельзя было и думать о болѣе удобномъ ресорномъ экипажѣ.

Деревня Леушино, отъ которой и получилъ свое наименованіе устроившійся близь нея (Леушинскій) монастырь, состояла изъ 200 душъ кресть-

янъ, частію государственныхъ, а частію принадлежащихъ помѣщикамъ: Саблуковымъ, Остолоповымъ, Кривцовымъ и Глѣбовымъ. По разнымъ направленіямъ отъ Леушина въ древнія времена существовали многіе монастыри. Ближайшій изъ нихъ, на разстояніи 7-ми верстъ, въ Ярославской губ. Мологскаго уѣзда, былъ Златоустовскій, на мѣстѣ котораго въ настоящее время находится приходская Златоустовская церковь (село Роя).

Далѣе, верстахъ въ 15-ти, на другомъ берегу р. Шексны, той же Ярославской губ. Пошехонскаго уѣзда, на самой границѣ ея съ Новгородской губ., былъ монастырь Спаса, нынѣ Спасскій приходъ.

Въ 5-ти верстахъ отъ Спаса былъ небольшой мужскій монастырекъ, отъ котораго и получилъ свое названіе существующій нынѣ на мѣстѣ его приходъ «Монастырекъ».

Верстахъ въ 12-ти отъ Леушина по эту сторону р. Шексны, Новгородской губ. Череповецкаго уѣзда, былъ монастырь извѣстный подъ именемъ «Досиѳеева пустынь», каковое наименованіе сохранила и по нынѣ существующая на мѣстѣ его приходская церковь.

Далѣе, на разстояніи около 6-ти верстъ отъ Досиѳеевой пустыни, находился монастырь Святителя Николая на берегу маленькой рѣчки Выксы.

Этотъ монастырь былъ въ свое время знаменитъ и славенъ: тутъ жила въ заточеніи мать царевича Димитрія, Марія Нагая, посланная сюда въ 1591 г. Борисомъ Годуновымъ послѣ убіенія царевича.

Наконецъ въ самомъ городѣ Череповцѣ, бывшемъ прежде слободою, на мѣстѣ нынѣшняго градскаго собора былъ Воскресенскій монастырь.

Всѣ эти монастыри съ теченіемъ времени упразднились; Никольскій-Выксинскій монастырь сгорѣлъ и послѣ не возстановлялся, другіе монастыри упразднились по причинамъ не объясненнымъ въ ихъ лѣтописяхъ. Вѣрнѣе всего можно предположить, что со времени отобранія у нихъ принадлежавшихъ имъ крестьянъ и земель, средства къ существованію ихъ измѣнились, а среди такого грубаго и дикаго населенія другихъ источниковъ было недостаточно, и монастыри одинъ по одному пустѣли и упразднялись.

Но «неисповѣдимы судьбы Божіи, и неислѣдованы пути Его!» Древніе монастыри приходили въ упадокъ и запустѣніе, между тѣмъ въ самой средѣ ихъ, какъ бы въ замѣнъ ихъ, подготовлялось мѣсто для новой обители, и притомъ такое мѣсто, которое по человѣческимъ соображеніямъ и понятіямъ казалось вовсе къ тому непригоднымъ. Если бы въ то время кто либо сказалъ, что на этомъ мѣстѣ будетъ иноческая

обитель, то слова эти показались бы смѣшною шуткою.

Но премудрымъ совѣтамъ Божія домостроительства о спасеніи людей обычно «изводить честное отъ недостойнаго» и наиболѣе проявлять благодать Своего милосердія тамъ, гдѣ умножаются человѣческія неправды и беззаконія.

На разстояніи 1½ верстъ отъ деревни Леушина, далѣе въ глубь лѣсовъ, въ началѣ 70-хъ годовъ начала возникать женская обитель, служащая въ настоящее время въ полномъ смыслѣ духовнымъ украшеніемъ и источникомъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія своего полудикаго края.

Отъ самаго начала своего, она не перестаетъ являть на себѣ слѣды особаго Промысла Божія и благоволенія. Только Божіимъ благоволеніемъ могла возникнуть, возрасти и процвѣсти многолюдная и благоукрашенная обитель тамъ, гдѣ были непроходимые лѣса, топи и болота, и между тѣмъ не было никакихъ средствъ.

Часть земель и крестьянъ деревни Леушина, принадлежавшая помѣщикамъ Остолоповымъ, по наслѣдственной линіи перешла къ г-жѣ Вельсовской. Сама Вѣра Львовна Вельсовская не жила въ этомъ имѣніи, временно поручала его своему управляющему и между тѣмъ искала случая продать его. Въ это время въ городѣ Яро-

славлѣ жилъ со своимъ семействомъ нѣкто инженеръ-подпоручикъ Николай Николаевичъ Каргопольцевъ, состоявшій на службѣ по Министерству путей сообщенія. Около этого времени переселилась къ нему жить только что овдовѣвшая мать его, генеральша Глафира Васильевна Каргопольцева. Разбитая многими скорбями и неудачами въ жизни, старушка искала успокоиться на закатѣ дней своихъ и неоднократно высказывала желаніе пожить гдѣ либо въ деревнѣ, вдали отъ шумной городской суеты.

Слухъ о продажѣ усадьбы г. Вельсовской обрадовалъ ее, не болѣе ста верстъ отъ Рыбинска было это имѣніе, а между Рыбинскомъ и Ярославлемъ весьма удобное сообщеніе на пароходахъ по р. Волгѣ. Самъ Николай Каргопольцевъ, поселивъ свое семейство въ Леушинѣ, могъ чрезъ водяное сообщеніе по р. Шекснѣ (у самаго Рыбинска впадающей въ Волгу), нерѣдко навѣщать ихъ, а зимою и постоянно тамъ жить. Въ 1847 году г. Каргопольцевъ купилъ имѣніе у г. Вельсовской и перевезъ туда свое семейство. Такъ какъ предмѣстники его сами не жили тамъ, то и дома помѣщичьяго не было, и Каргопольцевымъ пришлось поселиться временно въ деревнѣ у одного наиболѣе зажиточнаго изъ своихъ крѣпостныхъ; между тѣмъ онъ занялся постройкою для себя дома, въ 1½ верстахъ отъ

дер. Леушина, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится монастырь, въ число построекъ котораго вошелъ и этотъ домъ съ поновленіемъ его, впрочемъ, и переноскою на другое мѣсто. Въ настоящее время онъ населенъ сестрами, присматривающими за скотомъ, онъ занимаетъ юго-западный уголъ ограды, замѣняя въ немъ башню (а съ этой именно стороны близъ ограды и помѣщаются скотные дворы). Кромѣ этого домика существуетъ и еще, какъ бы на память обители, въ своемъ неприкосновенномъ видѣ съ ремонтомъ лишь для поддержанія его, флигелекъ въ двѣ комнатки, гдѣ помѣщалась уединенно отъ семьи старушка генеральша Глафира Васильевна Каргопольцева, которая и была самою первою основательницею здѣшняго монастыря, чего она и сама конечно не подозрѣвала, трудясь лишь въ созиданіи мѣстнаго храма Божія. Деревня Леушино отъ ближайшей приходской церкви своей епархіи, села Досиѳеевой пустыни, отстояла на 12 верстъ, притомъ дорога (нынѣ исправленная) почти недоступна была даже въ самое сухое лѣтнее время, а весною и осенью ее нельзя было и назвать дорогою; другая 8-ми верстная дорожка, проложенная кратчайшимъ путемъ чрезъ болото, была доступна лишь для пѣшеходовъ, но также не во всякое время года. При такомъ разстояніи отъ церквей своей епархіи,

сообщеніе съ ними Леушинскихъ обитателей было почти совсѣмъ невозможно. Крещеніе новорожденныхъ младенцевъ отлагалось на нѣсколько мѣсяцевъ, пока не собиралось ихъ по нѣскольку вмѣстѣ, чтобы за одно совершать трудный путь. О говѣніи великимъ постомъ въ своей приходской церкви, особенно когда бывала поздняя Пасха, нельзя было и думать; крестьяне, какъ извѣстно, всегда отлагаютъ исполненіе сего священнаго долга до послѣдней недѣли поста, который весь проводятъ въ своихъ зимнихъ, уже оканчивающихся заработкахъ; а въ концѣ великаго поста нерѣдко падаютъ и портятся и хорошіе пути, не только такіе болотистые. Даже въ свѣтлый праздникъ Пасхи рѣдко приходилось Леушинцамъ бывать въ своемъ храмѣ. По этой причинѣ нѣкоторые изъ нихъ отдѣлялись самовольно отъ своего прихода и переходили въ другіе приходы, напримѣръ Ольховскій, Новгородской епархіи, и Златоустовскій, Ярославской епархіи. Ольховская церковь была отъ Леушина на разстояніи 15 верстъ, а Златоустовская церковь принадлежала другой епархіи: въ томъ и другомъ случаѣ неизбѣжно возникали свои затрудненія. Сами крестьяне, хотя сознавали безвыходность своего положенія, однакоже по привычкѣ или другимъ причинамъ относились къ этому равнодушно; находились между ними даже

такіе, которые не принадлежали вовсе ни къ какому приходу и по нѣскольку лѣтъ не говѣли и совсѣмъ не ходили въ церковь. Такая холодность къ своимъ религіознымъ обязанностямъ весьма вредно вліяла на ихъ нравственность и даже на внѣшній образъ ихъ жизни.

Скорбное чувство по причинѣ отдаленности отъ храма Божія постигло и вновь прибывшихъ помѣщиковъ. Особенно сильно скорбѣла объ этомъ благочестивая старица Глафира Васильевна, искавшая своей утружденной душѣ покоя въ тишинѣ сельской жизни и отрады въ молитвѣ.

Часто изливала она свою скорбь въ слезахъ и въ бесѣдѣ съ сыномъ своимъ; но при такихъ условіяхъ и притомъ при тѣхъ ограниченныхъ средствахъ, какими они располагали, что̀ можно было сдѣлать или даже помыслить утѣшительнаго? чѣмъ помочь?

Но Промыслъ Божій, пекущійся о спасеніи рабовъ Своихъ, давно уже приготовлялъ имъ «помощь отъ скорби» и направлялъ все къ осуществленію Своей воли. По срединѣ деревни Леушина, на перекресткѣ двухъ дорогъ издавна стоялъ большой деревянный осмиконечный крестъ; по какому поводу и когда онъ былъ первоначально поставленъ,—неизвѣстно; отъ времени онъ обветшалъ и подгнилъ, и крестьяне порѣшили на мѣ-

сто сего стараго поставить новый, сравнительно лучшій, и огородить его частоколомъ. Услышавъ объ этомъ, г. Каргопольцевъ посовѣтовалъ крестьянамъ вмѣсто креста поставить лучше часовню. Крестьянамъ понравилась эта мысль, они охотно согласились и тутъ же стали просить его написать прошеніе въ мѣстное духовное правленіе *) о разрѣшеніи имъ этой постройки. Возвратясь изъ деревни домой, помѣщикъ поспѣшилъ сообщить эту новость своей матери, надѣясь этимъ обрадовать ее. Онъ засталъ ее въ слезахъ, которыми не переставала она оплакивать свое духовное лишеніе. «Что-жъ, и это хорошо», сказала она, «но все-же часовня не храмъ; вотъ, если-бы храмъ выстроить!» Оба они, разумѣется, нашли это несбыточнымъ и разошлись въ безмолвной скорби. Между тѣмъ въ сердцѣ каждаго изъ нихъ мысль эта нашла себѣ завѣтный уголокъ. Стали они обдумывать, какъ бы осуществить ее и какъ приняться за дѣло. Помѣщикъ съ радостію готовъ былъ пожертвовать потребное для храма и кладбища при немъ количество земли, охотно жертвовалъ лѣсъ для постройки, крестьяне съ своей стороны съ полнымъ сочувствіемъ вызвались жертвовать своимъ лич-

---

*) Отдѣленіе консисторіи въ уѣздномъ городѣ для рѣшенія менѣе важныхъ мелкихъ духовныхъ дѣлъ.

нымъ трудомъ; остановка была лишь за средствами, безъ которыхъ нельзя было и подумать приступить къ дѣлу. Притомъ же самъ помѣщикъ, какъ незнакомый съ подобнаго рода дѣлами, не зналъ и недоумѣвалъ, какъ приняться за это дѣло и къ кому обратиться за разрѣшеніемъ. Между тѣмъ нашлись люди, которые по разнымъ причинамъ не сочувствовали этому предпріятію и явились къ нему со своими совѣтами и предостереженіями отъ такого, по словамъ ихъ, страшнаго и недоступнаго предпріятія.

Въ виду такихъ предостереженій помѣщикъ Каргопольцевъ, хотя самъ по себѣ человѣкъ и предпріимчивый, не могъ не колебаться. Но Богъ, вложившій въ сердце его такую благую мысль, Самъ совершалъ чрезъ него Свое дѣло и благопоспѣшалъ его начинаніе. Слѣдуя совѣтамъ своего стараго знакомаго и уважаемаго отца архимандрита Варлаама, бывшаго въ то время настоятелемъ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря, помѣщикъ рѣшился дѣйствовать смѣлѣе, уповая на помощь свыше. Онъ подалъ прошеніе, подписанное всѣми крестьянами деревни Лсушина, о разрѣшеніи приступить къ постройкѣ своего храма; уважительныя и весьма основательныя причины этого желанія были вполнѣ выяснены, пожертвованіе земли помѣщикомъ и обязательства крестьянъ были ука-

заны, упомянуто также и о совершенномъ отсутствіи средствъ, каковыя предполагалось собрать путемъ доброхотныхъ подаяній, для чего и испрашивалась сборная книга. И на чье же имя испрашивалась она?—На имя самой матери помѣщика, вдовы начальника округа, генеральши Каргопольцевой! Эта истинная, благочестивая христіанка, не смотря на преклонность лѣтъ, на знатность рода, на нѣжность воспитанія, не задумалась надѣть на плечи суму странницы, взять въ руки книгу сборщицы, идти по избамъ и лачугамъ, кланяясь и прося посильной лепты на построеніе храма у каждаго крестьянина, начиная съ своего крѣпостнаго. Сколько труда, сколько скорбей и обидъ, сколько кровныхъ лишеній приняла она въ этомъ странствованіи! Крестьяне, заслышавшіе уже толки объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, переговаривались между собою вслухъ въ ея присутствіи, что «вотъ подходитъ время паденія помѣщиковъ, и вымышленными предлогами сбора стали они собирать себѣ на черный денекъ».

Много нужно было силы воли, еще больше самоотверженія христіанскаго, чтобы выносить этотъ тяжелый крестъ сборщика, вполнѣ понятный лишь тому, кто самъ испыталъ его! Но если онъ тяжелъ и для всякаго, то каковымъ же былъ для нея, при поименованныхъ условіяхъ?

Обойдя многія села и деревни, нѣкоторые изъ ближайшихъ уѣздные города: Череповецъ, Мологу, Рыбинскъ, и не довольствуясь результатами своихъ трудовъ, она рѣшилась отправиться въ Петербургъ. Въ то время, какъ мы упоминали, еще не было пароходства по р. Шекснѣ, и почтенной старицѣ пришлось плыть на лодкѣ до самой столицы, куда влекла ее надежда бо́льшей пользы для предпринятаго святаго дѣла. И дѣйствительно, тамъ нашлось больше усердствующихъ, да и самыя подаянія были болѣе значительны. Между прочими пожертвованіями тамъ она получила и безцѣнный даръ, святую икону Богоматери, отъ Гатчинскаго купца Гавріила Михайловича Медвѣдева (родина его верстахъ въ 20 отъ Леушина). Съ самаго дня появленія своего въ Леушинѣ, икона эта прославила себя чудотвореніями, и донынѣ далеко чтима по всей окрестности и составляетъ первѣйшую священную драгоцѣнность здѣшней обители.

Между тѣмъ какъ старица-мать трудилась по сбору, сынъ ея помѣщикъ неустанно трудился въ дѣлѣ самой постройки храма. 1860 года Апрѣля 26-го, въ самый день Ангела генеральши Глафиры Васильевны, совершено было освященіе мѣста, гдѣ предназначалось зданіе храма. Того же года Октября 9-го была совершена закладка его во имя св. славнаго пророка, предтечи Го-

сподия Іоанна. Во время обоихъ этихъ священныхъ торжествъ, по свидѣтельству очевидцевъ и самихъ совершавшихъ священнодѣйствіе священниковъ, произошло одно и тоже событіе, въ весьма хорошую сторону объясняемое народнымъ замѣчаніемъ: не смотря на весеннюю и осеннюю пору, въ оба эти дня погода стояла прекрасная, небо ясное, безоблачное; но какъ только священникъ начиналъ совершать кропленіе освящаемаго мѣста св. водою, въ обоихъ случаяхъ проливался обильный дождь, смачивавшій всѣхъ какъ говорится «до нитки», и, къ довершенію всеобщаго удивленія, лишь кончалось водоосвященіе и окропленіе, всѣ возвращались въ храмъ совершенно сухими *). Самое сооруженіе храма совершалось довольно успѣшно, безъ опредѣленныхъ какихъ-либо капиталовъ, на одни доброхотныя подаянія. Первая лепта на построеніе сего храма была отъ преосвященнаго Варлаама, епископа Екатеринославскаго. Благословеніе Божіе видимо споспѣшествовало зиждущимъ и вѣнчало труды ихъ.

1862 года Іюня 17-го храмъ былъ уже освященъ, причемъ стоявшій во главѣ соборнаго служенія 6-ти священниковъ, о. протоіерей Череповецкаго собора Георгій Вознесенскій, сказалъ

---

*) Записано въ собственноручной записи храмоздателя.

весьма приличное торжеству слово, начатое восклицаніемъ: «Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ! и наша пустыня узрѣла свѣтъ».

Въ началѣ эта новосозданная церковь была приписана къ ближайшему (своей епархіи) селу Досиѳеевой пустыни; но дальность разстоянія и затруднительность сообщенія, мѣшавшая прежде Леушинцамъ посѣщать Досиѳеевскую церковь, служила теперь препятствіемъ для священника того села посѣщать Леушинскую церковь для совершенія въ ней Богослуженія. Кромѣ сего въ дни праздничные и торжественные очевидно не возможно было одному священнику удовлетворять оба прихода, изъ чего и проистекало не мало неудовольствій. Желая устранить всѣ эти неудобства, помѣщикъ К. предложилъ крестьянамъ дер. Леушино просить епархіальное начальство назначить къ новоустроенной церкви самостоятельный причтъ. При этомъ самъ онъ выразилъ готовность пожертвовать для причта, подъ его осѣдлость, пашню и покосы около 40 десятинъ своей земли, а крестьяне обязались давать «ругу». Въ 1864 году по сему ходатайству опредѣленъ былъ къ Іоанно-Предтеченской церкви самостоятельный причтъ, состоявшій изъ священника и псаломщика, обезпеченный пожертвованною помѣщикомъ землею, всѣми на первое время необходимыми жилыми и хозяй-

ственными постройками, всѣми доходами за Богослуженія и требы и ругою отъ крестьянъ. (Всѣ эти жизненныя условія остаются неизмѣнными для здѣшняго причта и понынѣ, хотя самая церковь съ ея приходомъ приписана къ монастырю, при ней устроившемуся.)

Казалось бы, благочестивымъ помѣщикамъ, послѣ такого благопріятнаго исхода всѣхъ ихъ добрыхъ предпріятій, оставалось, какъ говорится, «жить да радоваться», вкушая плоды своихъ трудовъ; но Богъ судилъ иначе. Состояніе Каргопольцевыхъ, и вообще-то небольшое, съ постройкою храма стало еще меньше; хотя частныхъ подаяній на построеніе храма было не мало, но нуждъ и потребностей его еще болѣе. Недостаточно было только соорудить храмъ, нужно было еще и снабдить его сосудами, книгами, облаченіями и прочею церковною утварью. Такъ или иначе, а начатое дѣло надо было доводить до конца. Помѣщикамъ К. приходилось разставаться съ нѣкоторыми родовыми драгоцѣнностями, чтобы пополнить недостатки храма. Къ этому же времени подошло и освобожденіе отъ крѣпостной зависимости крестьянъ, и матеріальное благосостояніе К—выхъ совсѣмъ разстроилось. Къ тому же и по службѣ своей помѣщикъ К. получилъ новое назначеніе отъ Министерства путей сообщенія—въ Вышневолоцкій округъ Тверской губ.

Отважиться продолжать свое усадебно-сельское хозяйство заглазно, тѣмъ болѣе при недостаточныхъ средствахъ, было рѣшительно невозможно. Лучшій исходъ былъ—продать усадьбу. Какъ ни тяжко это было для всего семейства, но дѣлать было нечего: государственная служба главы семейства К. не допускала отлагательствъ, и надо было собираться въ путь.

Все это по неисповѣдимымъ путямъ Промысла Божія служило подготовленіемъ для начала будущей св. обители.

Верстахъ въ 20-ти отъ села Леушина есть село Щетинское, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи. Въ этомъ-то селѣ и родилась та, которой суждено было быть орудіемъ судебъ Божіихъ для начальнаго устройства этой обители.

Въ этомъ селѣ Щ. жили помѣщики Нефедьевы, люди богатые и добрые, но безчадные, о чемъ они очень скорбѣли; достигнувъ уже зрѣлыхъ лѣтъ и отчаявшись имѣть дѣтей, они рѣшились взять на воспитаніе чужое дитя съ цѣлію усыновить его и сдѣлать наслѣдникомъ своего имѣнія. Въ томъ же селѣ Щ. было одно бѣдное многочадное семейство, мать котораго готовилась еще пополнить его. Нефедьевы объявили ей и ея мужу, что новорожденное ихъ дитя, будетъ ли оно мужскаго или женскаго пола, они намѣрены взять къ себѣ для означенной цѣли. Зная добро-

дѣтель помѣщиковъ Н., бѣдняки, разумѣется, охотно согласились,—и вотъ, новорожденная крестьянская дочь Анастасія сдѣлалась дочерью помѣщиковъ, въ домѣ которыхъ она выросла и воспиталась, какъ будущая наслѣдница ихъ имѣнія. Но совѣты и предопредѣленія Божіи далеко отстоятъ отъ намѣреній и совѣщаній человѣческихъ. Анастасіи было лишь 17 лѣтъ; нареченные родители ея подумывали уже объ ея свадьбѣ, какъ вдругъ (это было въ холерный годъ) на одной же недѣлѣ умираютъ оба, оставивъ свою любимицу одинокою сиротою и безъ всякихъ средствъ. Можетъ быть, не предвидя такой внезапной кончины, они не озаботились сдѣлать своевременно никакихъ бумагъ относительно ея усыновленія и участія въ наслѣдствѣ, а можетъ быть бумаги эти были, но ихъ скрыли появившіеся родственники, наслѣдники. Но какъ бы это ни было, а бѣдная дѣвушка Анастасія съ небольшой долей своего гардероба должна была возвратиться къ своимъ бѣднымъ родителямъ. Воспитанная въ нѣгѣ и покоѣ, она, очевидно, не могла раздѣлять нужду и тяжелые труды своей родной семьи. Да могла ли она даже и привязаться къ ней душой, когда по слуху лишь знала, что она ей родная, а по взглядамъ и понятіямъ вовсе была ей чужда? Сознавая безъисходную тяжесть своего положенія, Анастасія

рѣшилась удалиться изъ своей родной семьи и даже изъ своего села. Не выходя до сего времени изъ-подъ теплаго крова своихъ благодѣтелей, она рѣшилась пойти странствовать и прежде всего направилась въ Кіевъ, эту древнѣйшую Россійскую святыню, куда такъ много стекается русскихъ паломниковъ. Оттуда, продолжая свой страническій путь, она обходила города и селенія, гдѣ была какая либо святыня, что, разумѣется, стоило ей многаго труда и физическаго и нравственнаго. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда родителей ея уже не было въ живыхъ, пришла она въ свою родную Ярославскую губернію. Обходя здѣшнія святыни, зашла она между прочимъ и въ Югскую Дороѳееву пустынь, богатый и знаменитый мужской монастырь, въ коемъ находится чудотворная икона Югской Божіей Матери. Въ то время тамъ спасался старецъ іеромонахъ Адріанъ, извѣстный и почитаемый во всей окрестности какъ мужъ праведный и даже прозорливый. Такимъ по крайней мѣрѣ считали его всѣ знавшіе его. Анастасія пожелала принять его благословеніе и назиданіе. Старецъ Адріанъ, видя ея юность и находя непосильнымъ для нея подвигъ странничества, не совѣтовалъ ей продолжать его, а опредѣлиться лучше въ какой либо дѣвичій монастырь. Для того, чтобы испробовать ей свои силы и спо-

собность къ монашескимъ подвигамъ, онъ рекомендовалъ ей пожить въ мірѣ по монашески, т. е. уединенно, занимаясь молитвою и постомъ; съ этою цѣлію онъ помѣстилъ ее къ тремъ благочестивымъ, уже не молодымъ дѣвицамъ, жившимъ отдѣльною кельею въ городѣ Мологѣ подъ его духовнымъ руководствомъ; занимались онѣ печеніемъ просфоръ для приходскихъ церквей гор. Мологи, чтеніемъ псалтири по покойникамъ, по приглашенію гражданъ, и рукодѣліями, и этими трудами своими снискивали себѣ пропитаніе. Поселившись къ нимъ, Анастасія стала раздѣлять ихъ труды и, подъ руководствомъ опытнаго старца о. Адріана, пріучалась къ жизни духовной и молитвѣ. Впослѣдствіи, когда началъ устраиваться близъ города Рыбинска дѣвичій Софійскій монастырь, Анастасія поступила въ число его первыхъ сестеръ, гдѣ находится и по сіе время, принявъ при постриженіи въ монашество имя Сергіи. Однажды, бывши уже монахинею, пришла она на свою родину въ село Щетинское для свиданія съ сестрою и племянниками. Село это, какъ уже сказано, находится лишь въ 20-ти верстахъ отъ Леушина, гдѣ тогда только что была выстроена церковь, далеко по окрестности славившаяся находившейся въ ней иконою Богоматери. Монахиня Сергія возъимѣла желаніе посмотрѣть этотъ храмъ и поклониться

святой иконѣ, и вотъ, однажды наканунѣ какого-то праздника пришла она въ Леушино незадолго до вечерни. Намѣреваясь сколько-нибудь отдохнуть до службы, она направилась прямо къ дому священника. Нужно было проходить мимо небольшаго флигелька, въ которомъ жила уединенно отъ семьи сама строительница церкви, старушка генеральша, чтобы всегда имѣть возможность любоваться дорогимъ для ея сердца храмомъ. Увидѣвъ въ окно проходившую мимо монахиню, она поспѣшила пригласить ее къ себѣ на чашку чая. Такъ произошло первое знакомство монахини Сергіи съ Каргопольцевыми. Понравилось монахинѣ Сергіи это пустынное, уединенное мѣсто, вполнѣ соотвѣтствовавшее стремленіямъ къ тишинѣ и безмолвію утружденныхъ житейскими бурями душъ благочестиваго, молитвеннаго настроенія. Невольно народилась у ней мысль поселиться тутъ при церкви, что и высказала она генеральшѣ съ просьбою продать ей маленькій лоскутъ земли подлѣ церкви, гдѣ бы могла она выстроить себѣ келью. Помѣщики отвѣчали ей на это, что продать землю они сами ищутъ и желаютъ, но не иначе, какъ всю цѣликомъ, а дробить ее на лоскутки невозможно, ибо это самое можетъ помѣшать общей продажѣ. Стоимость всего имѣнія помѣщикъ цѣнилъ не менѣе 8000 руб. сер., такъ что о покупкѣ его монахинею Сергіею, не имѣв-

шей и 8 рублей, не могло быть и мысли. Между тѣмъ Николай Каргопольцевъ долженъ былъ уже явиться на мѣсто своего новаго назначенія по службѣ въ Вышневолоцкій уѣздъ, куда отправлялось съ нимъ и все его семейство. Можно себѣ представить, какихъ горькихъ слезъ стоила благочестивой старушкѣ эта разлука съ храмомъ Божіимъ, для котораго она такъ много потрудилась; однако, утѣшая провожавшихъ ее, любимыхъ ею и любившихъ ее крестьянскихъ старушекъ, она съ какимъ-то предвкушаемымъ утѣшеніемъ говорила: «не плачьте, старицы, а радуйтесь: вотъ уже въ недалекомъ будущемъ вы увидите исполненіе моихъ словъ, что будетъ на этомъ мѣстѣ обитель, которая и васъ пріютитъ и успокоитъ на старости лѣтъ. Вотъ мнѣ такъ надобно плакать, ибо я уже навсегда разстаюсь съ дорогимъ мнѣ храмомъ Божіимъ и уже никогда не увижу его!»

Въ 1869-мъ году помѣщики Каргопольцевы оставили свое имѣніе при Леушинѣ, оставили и выстроенный трудами и заботами ихъ храмъ Божій, вручивъ его мѣстному священнику и избранному помѣщикомъ на свое мѣсто въ должность церковнаго старосты одному изъ Леушинскихъ крестьянъ.

Мысль о пріобрѣтеніи этого имѣнія подъ мирную обитель запала въ сердце монахини Сер-

гіи и преслѣдовала ее на каждомъ шагу. Сначала и ей самой она казалась несбыточною, но побороть ее въ себѣ она не чувствовала силы. Наконецъ она стала придумывать, нельзя ли было бы поискать такихъ благодѣтелей, которые согласились бы сдѣлать такое доброе дѣло, т. е. купить это имѣніе именно съ тѣмъ, чтобы пожертвовать его для устройства въ немъ обители.

Странствованіе ея по святымъ мѣстамъ въ первые годы ея сиротства дало ей случай познакомиться со многими состоятельными людьми, изъ которыхъ съ иными она не прекращала знакомства, пользуясь отъ нихъ матеріальною помощію къ жизни, такъ какъ своего она ничего не имѣла. Съ этою цѣлію она отправилась въ Петербургъ. Не извѣстно, долго ли пришлось ей искать желаемаго благодѣтеля, но наконецъ она нашла таковаго въ лицѣ купца Максимова, съ женою котораго давно была въ хорошихъ отношеніяхъ. Максимовы были люди со средствами и бездѣтные: сама Пелагея Ѳедоровна Максимова любила ѣздить по монастырямъ и богомольямъ, и мужъ ея Иванъ Максимовъ не препятствовалъ ей въ этомъ, такъ какъ въ торговлѣ его она не принимала участія, а по дому—какъ безсемейная—имѣла много свободнаго времени. Монахинѣ Сергіи скоро удалось склонить ее на покупку земли, самъ же купецъ и слы-

шать объ этомъ не хотѣлъ, не смотря на слезныя просьбы обѣихъ этихъ женщинъ. Упорство его происходило не отъ того, чтобы онъ жалѣлъ капитала на покупку, но отъ того, что не сочувствовалъ этому дѣлу, которое въ тоже время считалъ не подходящимъ для себя, какъ для человѣка простаго, коммерческаго, обремененнаго дѣлами житейскими. «Намъ ли сооружать монастыри? Мы не праведники древніе», говаривалъ онъ. Съ другой стороны онъ хорошо понималъ и справедливо разсуждалъ, что трудно будетъ существовать обители безъ средствъ и обезпеченія. Однако двѣ эти единомысленныя женщины не падали духомъ и не теряли надежды. Монахиня Сергія опасалась даже, чтобы Каргопольцевъ не нашелъ другаго покупателя, почему и не прекращала переписки съ нимъ. Наконецъ помѣщикъ Каргопольцевъ написалъ имъ рѣшительно, что дольше ждать не можетъ и, если не получитъ отъ нихъ окончательнаго отвѣта, продастъ имѣніе другимъ, желающимъ пріобрѣсть его. Когда подали Максимову это письмо, онъ, даже не прочитавъ его, отбросилъ съ негодованіемъ. Вдругъ, въ эту же ночь, видитъ онъ во снѣ, но такъ ясно, какъ бы на яву: входитъ въ квартиру его Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Исидоръ въ полномъ святительскомъ облаченіи и, обращаясь къ нему, говоритъ: «отчего

ты не хочешь купить предлагаемаго тебѣ имѣнія?» «Не смѣю, Владыко святый,» отвѣчаетъ онъ; «это дѣло не нашей мѣры, да и что пользы размножать нищихъ!» —«Твое дѣло не разсуждать, а купить землю, и больше ничего!» возразилъ святитель и вышелъ. Максимовъ тотчасъ же проснулся и искалъ глазами выходившаго Митрополита, но, понявъ, что это было во снѣ, всталъ и тотчасъ же началъ отъискивать отброшенное имъ письмо и прочиталъ его. На другой день онъ разсказалъ просительницамъ о своемъ сновидѣніи и объявилъ, что согласенъ купить землю Каргопольцева въ количествѣ 800 десятинъ за назначаемую имъ сумму 5000 руб. сер. Удовольствію и радости хлопотавшихъ о семъ старицъ не было конца; да и самому купцу Максимову, какъ самъ онъ высказывалъ, стало легче на душѣ; всѣ повеселѣли. Это было въ 1872 году. Іюня 27-го дня къ опустѣлому барскому селу «Леушино» подъѣзжалъ запряженный тройкою лошадей простой крестьянскій тарантасъ, направляясь по дорогѣ къ церкви, невдалекѣ отъ которой онъ остановился. Въ эту минуту церковь была отперта: двѣ старушки-крестьянки, оставленныя помѣщикомъ въ качествѣ сторожихъ въ покинутой имъ усадьбѣ, сшивали тамъ холстины, пожертвованныя для церковной потребы. Заслышавъ звонъ колокольчика и грохотъ подъѣзжающаго тарантаса, онѣ

выскочили изъ дверей храма и съ любопытствомъ стали вглядываться въ пріѣхавшихъ. «Никакъ нашъ баринъ пріѣхалъ», сказала одна другой, и обѣ бросились на встрѣчу гостямъ. Подошедъ поближе, онѣ поняли свою ошибку и поспѣшили вернуться въ церковь къ своей работѣ. За ними, поодаль, слѣдовали и прибывшіе. Вотъ какими словами разсказываютъ объ этомъ эти старушки, нынѣ уже монахини, принявшія полное постриженіе въ основавшемся на семъ мѣстѣ монастырѣ: «гостей этихъ мы видѣли въ первый разъ, кто они и зачѣмъ пріѣхали сюда, мы ничего не знали; а сами не знаемъ, что съ нами случилось, откуда взялась смѣлость; какъ вошли они въ церковь, мы обѣ и бросились имъ въ ноги со слезами, да и говоримъ имъ: «кормильцы вы наши, купите вы намъ эту землю подъ монастырь». Удивились они такимъ нашимъ словамъ, да и сами заплакали и говорятъ намъ: «дѣло уже сдѣлано, земля куплена». Мы и ушамъ своимъ не вѣримъ. Помолившись и осмотрѣвъ вездѣ въ церкви, они попросили насъ позвать священника, жившаго невдалекѣ отъ церкви. Тутъ и узнали мы, кто были наши гости, узнали первыхъ нашихъ благодѣтелей и первыхъ виновниковъ начала обители».

Купивъ это имѣніе для означенной цѣли,

сами Максимовы, разумѣется, не могли въ немъ оставаться; имъ надо было озаботиться прiискать подходящихъ людей, которымъ можно бы было поручить все начальное дѣло общежитiя, которому, такъ сказать, могли бы они дать первый правильный толчокъ. И на этотъ разъ монахиня Сергiя оказываетъ свои услуги: она знала въ селѣ Воронинѣ верстахъ въ 30-ти отъ Леушина человѣкъ 6 уже не молодыхъ дѣвицъ, жившихъ отдѣльно отъ общества въ особенной кельѣ уединенно и скромно. Ихъ-то и уговорила она переселиться въ Леушино для начатiя предпринимаемаго дѣла. Сама она не могла взяться за это дѣло, потому что, какъ постриженная монахиня, не могла жить въ имѣнiи частныхъ лицъ, каковымъ считалось Леушино, до времени формальнаго его утвержденiя «общиною» Высочайшимъ именемъ чрезъ Святѣйшiй Сѵнодъ. Поселивъ означенныхъ дѣвицъ въ своемъ имѣнiи и старшей изъ нихъ поручивъ какъ бы начальственное управленiе, поновивъ нѣсколько старый помѣщичiй домъ, оказавшiйся уже попортившимся, Максимовы возвратились въ Петербургъ.

Съ этого времени *) начинается новый перiодъ для здѣшней мѣстности, перiодъ возникновенiя общины, а для членовъ общины начинается пе-

---

*) 1872-й г.

ріодъ безчисленныхъ скорбей, трудовъ и слезъ. Если бы возможно было собрать всѣ слезы, пролитыя первыми насельницами общины и особенно первыми настоятельницами ея до времени утвержденія ея «монастыремъ», то навѣрное ихъ достаточно было бы для того, чтобы омыть всѣ настоящія зданія обители, слезами и трудомъ воздвигнутыя. Да и могло ли быть иначе? «Добрая дѣла трудомъ стяжаваются», т. е. скорбями и слезами. Если врагъ спасенія нашего противодѣйствуетъ всякому доброму дѣлу и благому начинанію, то могъ ли онъ не противиться такому великому и спасительному дѣлу, какъ устройство обители, въ которой имѣло денно-нощно славословиться великое имя Божіе, — обители, представлявшей новый пріютъ бѣдному страннику земли, гдѣ бы молитвенно отдохнуло его сердце, утружденное борьбою жизненныхъ невзгодъ,— обители, въ которой ревнители высшихъ христіанскихъ добродѣтелей найдутъ искомое ими сокровище, «единое на потребу», драгоцѣннѣйшее всѣхъ благъ міра? Могло ли, повторяю, быть иначе?

Новыя жительницы Леушина со всею энергіею принялись за порученное имъ дѣло; въ ихъ простодушныхъ убѣжденіяхъ оно казалось имъ такъ велико и свято, что онѣ не считали себя даже достойными его. Но какъ бы велико

ни было ихъ усердіе, однакоже безъ матеріальной помощи его было недостаточно для выполненія всего того, что доставалось на ихъ долю: всѣмъ имъ нужно было насущное пропитаніе, а нерѣдко случалось, что у нихъ не было даже и хлѣба, за которымъ, какъ за милостыней, ходили онѣ въ деревню Леушино; нужна была одежда, всѣ необходимыя жизненныя и хозяйственныя потребности; самая обработка земли, въ ожиданіи будущаго вознагражденія отъ нея, кромѣ личнаго труда, требовала многаго: нужны были лошади со всею потребною для земледѣлія упряжью. Все это нужно было просить у добрыхъ людей, за неимѣніемъ средствъ на покупку собственнаго. Небольшой помѣщичій домикъ, состоявшій изъ двухъ перегороженныхъ комнатъ въ верхнемъ и стольких же въ нижнемъ этажахъ, при малѣйшемъ прибавленіи къ нимъ сожительницъ сталъ тѣснымъ, тѣмъ болѣе, что самая просторная въ немъ комната занята была иконами и аналоями для келейнаго совершенія въ ней молитвословій по уставу церкви: полунощницы, утрени и вечерни; тутъ всѣ общежительницы собирались вмѣстѣ на молитву, ибо въ храмѣ не было сдѣлано печей, и кромѣ Божественной литургіи, служимой священникомъ по необходимости въ праздничные дни, тамъ никакой другой службы и молитвословій не совер-

шалось. Надобно было строить помѣщенія; надо было обзаводиться рогатымъ скотомъ для продовольствія своего и лошадьми со всею упряжью для обработки земли и другихъ надобностей. Всѣхъ нуждъ, самыхъ даже неотложныхъ, и не перечислить; а средствъ на удовлетвореніе ихъ ни откуда не предвидѣлось. Идти имъ по сбору, на что онѣ охотно согласились бы, нельзя было и думать; обѣщаніе «общины» лишь вдали блестѣло исходной точкою ихъ надежды, а на самомъ дѣлѣ онѣ жили на чужой землѣ, которую и обработывали какъ работницы или какъ лица довѣренныя, но никакъ не собственницы ея. Заслышавъ о такомъ неопредѣленномъ населеніи села Леушина, и полицейскія власти стали частенько навѣдывать ихъ, требовали отъ нихъ формальныхъ доказательствъ ихъ правъ на жительство здѣсь, угрожали и даже приказывали выселяться. Эти преслѣдованія со стороны полицейскихъ властей (вѣроятно подозрѣвавшихъ тутъ какую либо секту) какъ бы довершали ихъ скорби; встрѣча какого либо урядника или другаго полицейскаго чиновника приводила ихъ всѣхъ въ такой страхъ, что онѣ готовы были бѣжать, скрыться гдѣ либо въ лѣсу. Писали онѣ объ этомъ Максимовымъ, но самыя сношенія эти чрезъ почту длились нерѣдко нѣсколько недѣль и болѣе; пока придетъ утѣ-

шительный отвѣтъ, успокоивающій въ миновавшей уже опасности,—надъ головами ихъ уже готова другая. Что касается матеріальной помощи общежительницамъ со стороны Максимовыхъ, то послѣдніе не вмѣняли себѣ этого въ обязанность; помогали они имъ понемногу, по мѣрѣ усердія своего, но болѣе предоставляли ихъ въ этомъ отношеніи самимъ себѣ, считая себя уже выполнившими свою задачу—покупкою имъ земли.

Такъ жили первыя общежительницы Леушинскія, въ нуждѣ, въ тѣснотѣ и въ страхѣ за будущее цѣлыхъ три года; наконецъ, въ 1875 году Января 11 дня послѣдовало Высочайшее утвержденіе на основаніе Леушинской женской общины; Февраля 3-го община получила о семъ чрезъ консисторію указъ Святѣйшаго Сѵнода съ резолюціей митрополита Исидора за № 175. При семъ назначена была и начальница въ общину— Рыбинскаго Софійскаго монастыря монахиня Сергія, эта первая виновница ея устройства. Можно себѣ представить, съ какою непритворною радостію, съ какимъ искреннимъ, священнымъ восторгомъ встрѣтили это вожделѣнное извѣстіе сестры общежительницы! Ихъ было уже около 40 человѣкъ. И какъ имъ было не радоваться: онѣ теперь уже убѣдились, что 3-хъ лѣтнія ихъ страданія и труды увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, что надежда ихъ не обманула и цѣль до-

стигнута; онѣ сознавали, что отнынѣ онѣ уже не пришелицы на чужой землѣ, не овцы, не имущія пастыря, но спокойно будутъ жить на своей собственности подъ покровомъ и руководствомъ одной общей ихъ матери-начальницы. Дѣйствительно, на плечи этой матери-начальницы, теперь какъ бы уже несвоевременно для нея, ложилась вся тяжесть заботъ, все бремя трудовъ и хлопотъ объ устройствѣ и внутренняго и внѣшняго благосостоянія обители. Эти труды и хлопоты оказывались уже непосильными для 67-ми лѣтней старицы монахини Сергіи. Со всѣмъ усердіемъ принялась она осуществлять свои давнишнія и завѣтныя идеи— довершать и расширять начатое ею дѣло, но многосложность и тяжесть его превозмогали ея энергію. Силы ея и физическія и нравственныя, надломленныя жизнію еще въ самой юности ея, теперь окончательно измѣняли подъ тяжестью креста устроительницы и начальницы такого обширнаго дѣла. Тяжесть возложеннаго на нее труда еще осложнялась тѣмъ обстоятельствомъ, что она при общей своей старческой немощи не имѣла достаточно силъ и возможности сдѣлаться самостоятельной правительницей дѣла. Какъ уже упомянуто, первые 3 года со времени покупки земли подъ общину, съ 1872 г. до времени утвержденія ее таковою въ 1875 г., она

считалась собственностію Максимовыхъ и была въ ихъ полномъ распоряженіи и зависимости. Такой взглядъ сдѣлался какъ бы привычнымъ и владѣтелямъ и самимъ общежительницамъ, такъ что и отношенія къ общинѣ первой начальницы монастыря Сергіи само собою поставлялись въ извѣстную рамку. Кромѣ скорби самой начальницѣ, это обстоятельство причинило много вреда и нравственному строю общины. Собравшіяся сестры, въ то время еще всѣ крестьянскаго сословія, безъ образованія и развитія, не могли, конечно, вникнуть въ сущность дѣла, а лишь поверхностно видя нѣкоторыя недоразумѣнія и размолвки начальницы съ благодѣтелями, которыхъ онѣ привыкли считать ктиторами, судили о семъ и толковали каждая по своему разумѣнію. Изъ этого происходили разногласія и какъ бы раздѣленіе сестеръ на двѣ партіи. Къ тому же сестры, управлявшія общиною до прибытія начальницы, считали себя какъ бы обиженными, критиковали новыя распоряженія старицы-монахини, и эти внутренніе безпорядки и нестроенія нарушали общій покой. Если бы между сестрами нашлась тогда хотя одна болѣе опытная и разсудительная старица, она могла бы разумнымъ словомъ повліять на возмущенный духъ и умиротворить всѣхъ, но по новости дѣла здѣсь еще не находилось таковой. Тѣмъ не ме-

нѣе монахиня Сергія по мѣрѣ своихъ силъ и возможности трудилась въ благоустройствѣ общины, выстроила два небольшіе деревянные двухъэтажные дома, существующіе и по сіе время (съ ремонтомъ и поновленіемъ ихъ), дѣлала разныя хозяйственныя пріобрѣтенія, сама ѣздила по сборамъ, однимъ словомъ трудилась на столько, на сколько позволяли ей обстоятельства и ея старческія силы. Наконецъ, не доживъ до конца втораго года своего управленія Леушинскою общиною, въ 1877 г. она подала прошеніе объ увольненіи ея на покой, на прежнее мѣсто ея въ Рыбинскій Софійскій монастырь.

На мѣсто уволенной отъ должности начальницы м. Сергіи прибыла въ Леушинскую общину Горицкаго Воскресенскаго монастыря м. Леонтія, въ мірѣ Марія Александрова Коврова, вдова мѣщанина города Костромы.

Бывъ пострижена въ Горицкомъ монастырѣ, монахиня Леонтія исполняла тамъ послушаніе сборщицы въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Это послушаніе дало ей возможность и случай пріобрѣсть для Горицкаго монастыря не мало знакомыхъ и благодѣтелей, которые со времени поступленія ея въ Леушинскую общину стали помогать устройству сей послѣдней. При посредствѣ ихъ помощи монахиня Леонтія сдѣлала для общины весьма многое. Прежде всего, какъ и

слѣдовало, она озаботилась улучшеніемъ храма Божія, чтобы служенія въ немъ были доступны и удобны во всякое время года. Выстроенная съ такимъ трудомъ церковь деревянная послѣ отъѣзда помѣщиковъ-строителей, послѣ чего прошло уже 19 лѣтъ, ни разу не видала ни малѣйшаго ремонта. Въ 1876 году церковь эта была передана въ вѣдѣніе общины, на долю которой и доставались всѣ о ней попеченія. Начальница общины монахиня Леонтія перебрала въ ней накаты и полы, поставила по обѣимъ сторонамъ ея двѣ кафельныя печи, проконопатила стѣны съ наружной и съ внутренней сторонъ, обшила снаружи тесомъ и окрасила масляной краскою, крышу вмѣсто подгнившаго уже теса покрыла желѣзомъ и окрасила мѣдянкою. Исправивъ такимъ образомъ храмъ Божій и сдѣлавъ доступнымъ въ немъ Богослуженіе во всякое время, монахиня Леонтія озаботилась постройкою келлій для сестеръ, весьма стѣсненныхъ въ помѣщеніи и не имѣвшихъ даже общей трапезной келліи, которую замѣняла имъ тѣсная душная комната стараго помѣщичьяго дома въ нижнемъ этажѣ. Келліи строились большими корпусами такъ, какъ это принято въ общежительныхъ обителяхъ. Всѣхъ корпусовъ выстроила она три; каждый изъ нихъ въ два этажа, на каменномъ фундаментѣ, крытый

желѣзомъ; одинъ изъ нихъ въ 10 саж. длины, другой въ 13 саж. и третій въ 17 саж. Послѣдній на половину занятъ домовою церковью во имя Нерукотвореннаго образа Спасителя, въ которой и по настоящее время производятся ежедневно Богослуженія, ибо старая Предтеченская церковь не вошла въ предѣлы монастырской ограды, сооруженной и оконченной уже преемницею монахини Леонтіи въ 1884 году. Въ 1880 году былъ оконченъ и освященъ, по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора, Невской лавры архимандритомъ Исаіею этотъ первый собственный храмъ общины, во имя Нерукотвореннаго образа Спаса, выстроенный, какъ мы сказали, монахинею Леонтіею смежно съ настоятельскими келліями въ наибольшемъ изъ тогдашнихъ монастырскихъ корпусовъ. Освященіе его совершалось Сентября 15-го при тысячномъ стеченіи народа, наводнявшаго всю большую монастырскую площадь. Въ построеніи этого храма приняли участіе отчасти и Максимовы: ими были заказаны въ С.-Петербургѣ всѣ иконы для иконостаса, пожертвованъ желѣзный прикладъ и др. вещи. Однако отношенія ихъ къ общинѣ и тѣмъ болѣе къ начальницѣ ея не измѣнялись къ лучшему. Община, утвержденная еще въ 1875 г., до самаго 1880 года не имѣла никакихъ докумен-

товъ на право владѣнія занимаемою ею землею; документы эти Максимовы удерживали почему-то у себя. Наконецъ въ 1880 г. община получила эти документы, т. е. вводъ ея во владѣніе своею землею. Много добраго и полезнаго для общины можно было бы ожидать отъ этой почтенной дѣятельной труженицы монахини Леонтіи, не смотря на ея преклонный 60-лѣтній возрастъ; но, какъ видно, чаша скорбей, опредѣленная судьбами Божіими для этой общины, не была еще испита до конца; и чѣмъ дальше она испивалась, тѣмъ горчѣе были останки питія! Всевидящее око видитъ и прошедшее и будущее какъ и настоящее; правосудіемъ Его взвѣшены дѣла вѣковъ и прошедшихъ и грядущихъ. Не болѣе какъ полвѣка назадъ, если и того не менѣе, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ съ такими усиліями и скорбями теперь устраивалась св. обитель, было пристанище грабителей и хищниковъ; можетъ быть, потоки крови неповинныхъ жертвъ орошали эти мѣста. Не надлежало ли имъ очиститься потоками слезъ, чтобы сдѣлаться достойными своего высокаго назначенія?! Итакъ, что удивительнаго, если лишенія и скорби первыхъ насельницъ общины были такъ многочисленны и тяжелы! Сестры-общежительницы и ихъ начальницы трудились и трудились почти непосильно, до самоотверженія, при самыхъ

скудныхъ средствахъ, состоящихъ исключительно въ сборахъ, гдѣ каждая копѣйка доставалась не легко; для облегченія и уменьшенія матеріальныхъ затратъ былъ предпринимаемъ всевозможный трудъ. Сестры сами обработывали пашню, рубили и возили лѣсъ на постройку, запасали дрова на годъ, словомъ выполняли всю самую тяжелую работу, и притомъ не только съ трепетомъ, какъ дѣло святое, но и съ любовію и усердіемъ, какъ дѣло легкое и пріятное. Возвращаясь же въ обитель послѣ такихъ усиленныхъ трудовъ, онѣ часто не находили достаточно хлѣба и др. пищи для подкрѣпленія усталыхъ силъ. Только благодать Божія подкрѣпляла ихъ въ терпѣніи, ободряла въ трудѣ. Но какъ страдало при этомъ сердце начальницы, видѣвшей эту нужду и вмѣстѣ сознававшей полное безсиліе свое помочь этому горю! Труды, лишенія и скорби, и при этомъ все еще не смолкавшія внутреннія неустройства все тяжелѣе и тяжелѣе ложились на сердцѣ бѣдной старицы монахини Леонтіи. При такихъ условіяхъ жизнь ея становилась для нея все тяжелѣе и невыносимѣе. Она стала серьезно прихварывать, иногда и по долгу, и наконецъ рѣшилась подать прошеніе объ увольненіи ея на покой въ прежній ея Горицкій монастырь. Заслышавъ объ этомъ, сестры общины стали умолять ее оставить это намѣре-

ніе и для блага самой общины не покидать ее. Но отъ природы кроткая и смиренная старица Леонтія не ощущала въ себѣ силы къ дальнѣйшей борьбѣ съ тяжелыми обстоятельствами и, желая хотя немного поправить разстроенное здоровье, осталась непреклонною. Это было въ Февралѣ м. 1881 г. Наступилъ Великій постъ. Сестры пришли въ такое волненіе и печаль, что и высказать невозможно; онѣ помимо воли монахини Леонтіи сами отъ себя написали и послали прошеніе Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Исидору, умоляя его не отпускать отъ нихъ ихъ любимую и почитаемую начальницу, не дать имъ снова осиротѣть.

Заслуги монахини Леонтіи въ дѣлѣ устройства общины были ими упомянуты, какъ бы въ доказательство и подтвержденіе своей просьбы; но (зналъ ихъ и самъ владыка, и, можетъ быть не менѣе, чѣмъ кто либо, тревожился и скорбѣлъ душей, что такъ долго колеблется эта благословленная имъ община, не можетъ стать твердо въ своемъ основаніи. Какъ бы ни было, но) это прошеніе ихъ запоздало, и владыка Исидоръ уволилъ монахиню Леонтію, согласно прошенію ея, на покой въ прежній ея Горицкій монастырь. И такимъ образомъ монахиня Леонтія, прослуживъ безъ 2-хъ мѣс. 4 года (отъ Мая 1877-го до Марта 1881 г.), готовилась оставить ее навсегда.

Можно себѣ представить, какое тяжелое время переживали сестры! Едва успѣли онѣ привыкнуть къ своей матери-начальницѣ,—эта мать ихъ оставляла навсегда! Едва успѣли онѣ увидѣть очевидные плоды этихъ материнскихъ о нихъ попеченій и трудовъ, о которыхъ говорили имъ самыя стѣны ихъ келлій, какъ воображенію ихъ начинала рисоваться ужасающая картина разрушенія и запустѣнія. Подобнаго рода опасеніямъ и предположеніямъ способствовало отчасти и то, что и сами сестры и окрестные жители, въ теченіи почти 10 лѣтъ со времени покупки для нея земли не видя ея надлежащаго упорядоченія, частію вслѣдствіе перемѣны настоятельницъ ея, а частію по причинѣ внутреннихъ несогласій, стали высказывать мысль, что существованіе общины при такихъ условіяхъ невозможно, и что вслѣдствіе сего ей грозитъ совершенное закрытіе, т. е. уничтоженіе ея, тѣмъ болѣе, что и капитала для своего обезпеченія она ни малѣйшаго не имѣла, а существовала исключительно сборами и приношеніями. Но за послѣднее время и эти источники стали оскудѣвать, такъ какъ и сами благодѣтели, волнуемые подобными же слухами, стали отказывать въ помощи, считая ее неумѣстною.

При такихъ-то неблагопріятныхъ условіяхъ приняла общину уже четвертая по времени въ

теченіи 8 лѣтъ начальница ея, монахиня Таисія, прибывшая въ Леушино Марта 23 дня 1881 года. Монахиня Таисія, въ мірѣ Марія Васильевна Солопова, изъ дворянской фамиліи, родилась въ С.-Петербургѣ, гдѣ и получила воспитаніе въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Съ молодыхъ лѣтъ имѣя наклонность къ жизни уединенной, она сряду же по окончаніи курса, 18 лѣтъ отъ рожденія, поступила въ монастырь, гдѣ проходила различныя возлагаемыя на нее послушанія; была постоянно клиросною регентшею хора, кромѣ того по времени состояла и учительницею монастырскихъ воспитанницъ, далѣе была письмоводительницею, а за послѣднее время казначеею въ Знаменскомъ-Званкскомъ монастырѣ, гдѣ епархіальное Державинское училище. Время прибытія ея въ общину было едва-ли не самое тяжелое какъ для самой общины, такъ и для ея новой начальницы. Сестры, тревожимыя частыми перемѣнами начальницъ, опасеніями совершеннаго закрытія общины, на новую начальницу смотрѣли въ первое время какъ-то недовѣрчиво, считая ее лишь только временною. Общественные труды въ послушаніяхъ выполнялись какъ-то вяло, нехотя, всюду проглядывало сомнѣніе въ прочности дѣла, недовѣріе къ самимъ себѣ. Между тѣмъ дѣло устройства общины было лишь только начато; многаго и весьма необходимаго

еще недоставало: не было еще даже и ограды, не имѣлось гостиницы, гдѣ бы могли остановиться пріѣзжавшіе богомольцы, не было достаточнаго помѣщенія для скота, и многаго другаго еще недоставало. Многочисленныя и разнообразныя нужды общины, повидимому, превышали физическія и нравственныя силы новой начальницы, доселѣ проживавшей, около 25 лѣтъ, въ монастыряхъ благоустроенныхъ и обезпеченныхъ. Это дѣлало для нея еще болѣе тяжелымъ предстоящій трудъ благоустроенія ввѣренной ея попеченію общины. Не разъ уже и она мысленно рѣшалась оставить общину, сознавая себя не счастливѣе своихъ предмѣстницъ, и во избѣжаніе тревоги сестеръ задумывала сдѣлать это тайно. И дѣйствительно, если бы не подкрѣпляла ее особенная милость Божія, по временамъ съ очевидностію для всѣхъ являвшая промышленіе Божіе о сей обители, трудно было бы устоять среди всѣхъ невзгодъ. Вотъ одинъ случай, наглядно показывающій, до какой безвыходной и крайней бѣдности доходила община, и вмѣстѣ ясно для всѣхъ свидѣтельствующій о томъ, что Господь, какъ чадолюбивый Отецъ, промышляетъ о рабахъ Своихъ и «не забываетъ убогихъ Своихъ до конца». Однажды въ началѣ Іюня мѣсяца приходитъ исправлявшая должность экономки общины послушница Ѳ. Н. П. къ начальницѣ

Таисіи съ извѣстіемъ, что сейчасъ взяли послѣдній мѣшокъ муки изъ амбара въ хлѣбопекарню, а завтра растворять хлѣбовъ будетъ не изъ чего, а слѣдовательно нечего будетъ и ѣсть. У начальницы нашелся только одинъ рубль монастырскихъ суммъ; послали въ свѣчной ящикъ въ церковь, тамъ нашли лишь 4 руб., а мука была въ то время дорогà—12 руб. за куль. Что дѣлать? Голодными не оставить сестеръ; подумали обѣ хозяйки, поплакали и порѣшили—занять въ деревнѣ у мужика торгаша 1 куль, котораго будетъ достаточно лишь на два дня; а потомъ что? Можно понять, какою скорбію наполнилось сердце бѣдной начальницы. Изливъ свое горе въ потокѣ горькихъ слезъ, она остановилась на мысли: «ужели Господь не видитъ скорби рабынь Своихъ, ради Его же имени собравшихся въ эту глухую пустыню, далекую отъ человѣческой помощи, ради Его терпящихъ всю тѣсноту и скудость пустынножительства?» Нельзя сказать, чтобы мысль эта успокоила ее, но на ней она остановилась, ибо другаго исхода не было. На слѣдующее утро пошла она по обычаю къ утрени, совершавшейся въ старой Предтеченской церкви; священникъ въ то время еще былъ одинъ при общинѣ, и литургія служилась не каждый день. Это было во вторникъ—въ день, посвящаемый церковью св. Іоанну Предтечѣ. Изъ стороннихъ богомоль-

цевъ во всемъ храмѣ стояли лишь крестьянскіе старичекъ со старушкою, и начальницѣ невольно пришла мысль: «вотъ сколько посѣтителей,— какой тутъ можетъ быть доходъ!» Послѣ утрени эти богомольцы остались служить молебенъ (доходы за молебны шли священнику, а не общинѣ), а сестры разошлись по келліямъ. Вернувшись въ свою келлію, начальница снова предалась скорби и слезамъ. Вдругъ ей говорятъ, что мужичекъ, служившій молебенъ, стоитъ внизу у лѣстницы и проситъ ее выйти къ нему для личнаго переговора. «Не пойду», отвѣчала она, «куда я пойду такая заплаканная? спросите его, что ему нужно, а у меня ужъ и глаза не глядятъ». Однакоже мужичекъ не согласился никому передать своего дѣла и настойчиво хотѣлъ видѣть начальницу. Она пригласила его въ свою келлію и усадила съ собою за столъ пить чай; тутъ же пригласили и его спутницу, жену его, и старичекъ началъ сообщать свое дѣло: «прежде чѣмъ пить чай, матушка, я долженъ исполнить дѣло Божіе. Вотъ я вамъ скажу о себѣ: я крестьянинъ Харлампій, а это жена моя Парасковья, мы изъ деревни Череповскаго уѣзда; кромѣ крестьянства мы еще поторговываемъ кое-чѣмъ въ селѣ; люди мы старые и бездѣтные, и вздумалось мнѣ отъ своихъ праведныхъ трудовъ пожертвовать сотенку рубликовъ на какое нибудь богоугодное дѣло; давно

уже мысль эта у меня, и денежки припасены, да все не зналъ и раздумывалъ, куда ихъ лучше употребить. Вотъ, матушка ты моя, только что вчера съ вечера заснулъ, и вижу я во снѣ, будто стою я въ вашей церкви, вотъ гдѣ служили-то передъ иконой Іоанна Предтечи, а онъ, батюшка, и говоритъ мнѣ: «что ты, рабъ Божій, долго думаешь о твоихъ деньгахъ-то, обѣщанныхъ Богу? неси ихъ скорѣй къ моимъ сиротамъ, имъ бѣдненькимъ ѣсть нечего!» А я и спрашиваю его: «да гдѣ же это, батюшко, твои сироты?» — «Въ Леушинѣ», говоритъ, «знаешь новую общину тамъ, что называютъ Похвалы Богородицы?» — «Какъ не знать», отвѣчаю я, да и проснулся, и спать больше не могу; такъ мнѣ и слышится въ ушахъ-то: «неси скорѣй, имъ ѣсть нечего». Разбудилъ свою старуху, да и поѣхали мы, вотъ и утреню маленько захватили. Такъ вотъ же тебѣ, матушка, сотенка рубликовъ, отъ Іоанна Предтечи присланная чрезъ меня грѣшника». Что фактъ этотъ истиненъ и переданъ здѣсь во всей своей вѣрности, то подтверждаетъ сама начальница, нынѣ игуменія, Таисія и всѣ сестры обители, бывшія очевидными свидѣтельницами сего. Напрасно было бы говорить о томъ, какъ обрадовало это обстоятельство почти уже отчаявшихся сестеръ и ихъ начальницу. Они радовались не столько потому, что получили возможность удо-

влетворить свои существенныя потребности, сколько потому, что усматривали въ этой неожиданной жертвѣ очевидное доказательство промышленія Божія о св. обители по ходатайству о ней ея великаго покровителя, Спасова Предтечи. Укрѣпившись духомъ вѣры и надежды, ожили сердца сестеръ; упадавшій духъ ихъ начальницы воскрилился новою бодростію и силою. Промыслъ Божій видимо для всѣхъ даже самыхъ невнимательныхъ къ судьбамъ Его, очевидно доказывалъ Свое чудное попеченіе о Своей обители. И послѣ этого благословеніе Богоматери, ходатайствомъ великаго Предтечи, видимо сопровождало всѣ труды сестеръ и полезныя начинанія начальницы, которыя и увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Еще въ 1881 г. Октября 1 дня монахиня Таисія учредила и открыла при общинѣ церковно-приходскую школу для дѣтей прихожанъ общины — Леушинскихъ крестьянъ. Въ 1882-мъ году начала, а въ 1884 году окончила каменную ограду вокругъ всей обители, для освященія которой Іюня 14 дня прибылъ приглашенный ею, по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора, викарій Новгородской епархіи, преосвященный Анастасій, первый еще святитель, посѣтившій общину со времени ея открытія. Этотъ святитель своимъ посѣщеніемъ общины какъ бы внесъ въ нее

другой духъ жизни, духъ мира, тишины и единенія. Въ 1885 году устроила она безъ всякихъ стороннихъ пособій еще училище для сиротъ-дѣвочекъ духовнаго званія, каковое училище въ послѣднее время распоряженіемъ Святѣйшаго Сѵнода переименовано и утверждено «учительскою женскою школою съ рукодѣльными классами». Въ 1888 году митрополитомъ Исидоромъ выстроено для сего училища особое большое зданіе.

Въ 1885 году, по ходатайству начальницы, представленіемъ Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора община переименована уже общежительнымъ монастыремъ, при чемъ начальница ея, монахиня Таисія, въ 1 день Октября того же года произведена въ санъ игуменіи. Того же года Ноября 8-го совершено въ семъ монастырѣ первое пострижение въ монашество двухъ вышепомянутыхъ старицъ, остававшихся въ качествѣ сторожей имѣнія послѣ отъѣзда помѣщика Каргопольцева. Первая изъ нихъ, Матрона Герасимова, названа въ постриженіи именемъ Маріи, а вторая, Параскева Владимірова, названа въ честь самаго ангельскаго образа Ангелиною. Въ настоящее время въ монастырѣ находится уже до 20-ти мантейныхъ монахинь, до 30 рясофорныхъ, до 45 указныхъ послушницъ, всѣхъ же сестеръ до 200 дѣвицъ, изъ сего числа

50 дѣвицъ пѣвчихъ, составляющихъ прекрасный хоръ, обученный учителемъ консерваторомъ. Въ обители сестры занимаются всевозможными мастерствами: шитьемъ машиннымъ и ручнымъ, всякаго рода вязаньями и вышиваньями, золоченіемъ по матеріи и по сафьяну хоругвей, плащаницъ и т. п. Сестры живописицы, нарочно обученныя живоиконописи въ С.-Петербургской академіи художествъ, заняты въ настоящее время писаніемъ иконостаса и др. иконъ для строющагося уже каменнаго соборнаго трехпридѣльнаго храма во имя Похвалы Богородицы, такъ какъ имѣющійся домовый деревянный храмъ далеко невмѣстителенъ для множества посѣщающихъ обитель богомольцевъ, число коихъ, особенно Великимъ постомъ, доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ за-разъ. Не смотря на такое количество посѣтителей, обитель, сама еще не имѣющая никакихъ основныхъ средствъ, всѣхъ ихъ питаетъ хлѣбомъ, квасомъ и приваркомъ, не требуя за то никакой платы, помня слова св. Писанія: «милуяй нища и странна взаимъ даетъ Богу». Внутренній строй обители отличается простотою и дружелюбіемъ.

Монастырь имѣетъ уже 8 большихъ двухъэтажныхъ корпусовъ, 5 помѣщеній для скота, коего считается до 70 гол. рогатаго и 20 лошадей, 3 гостинницы для богомольцевъ, 2 дома для

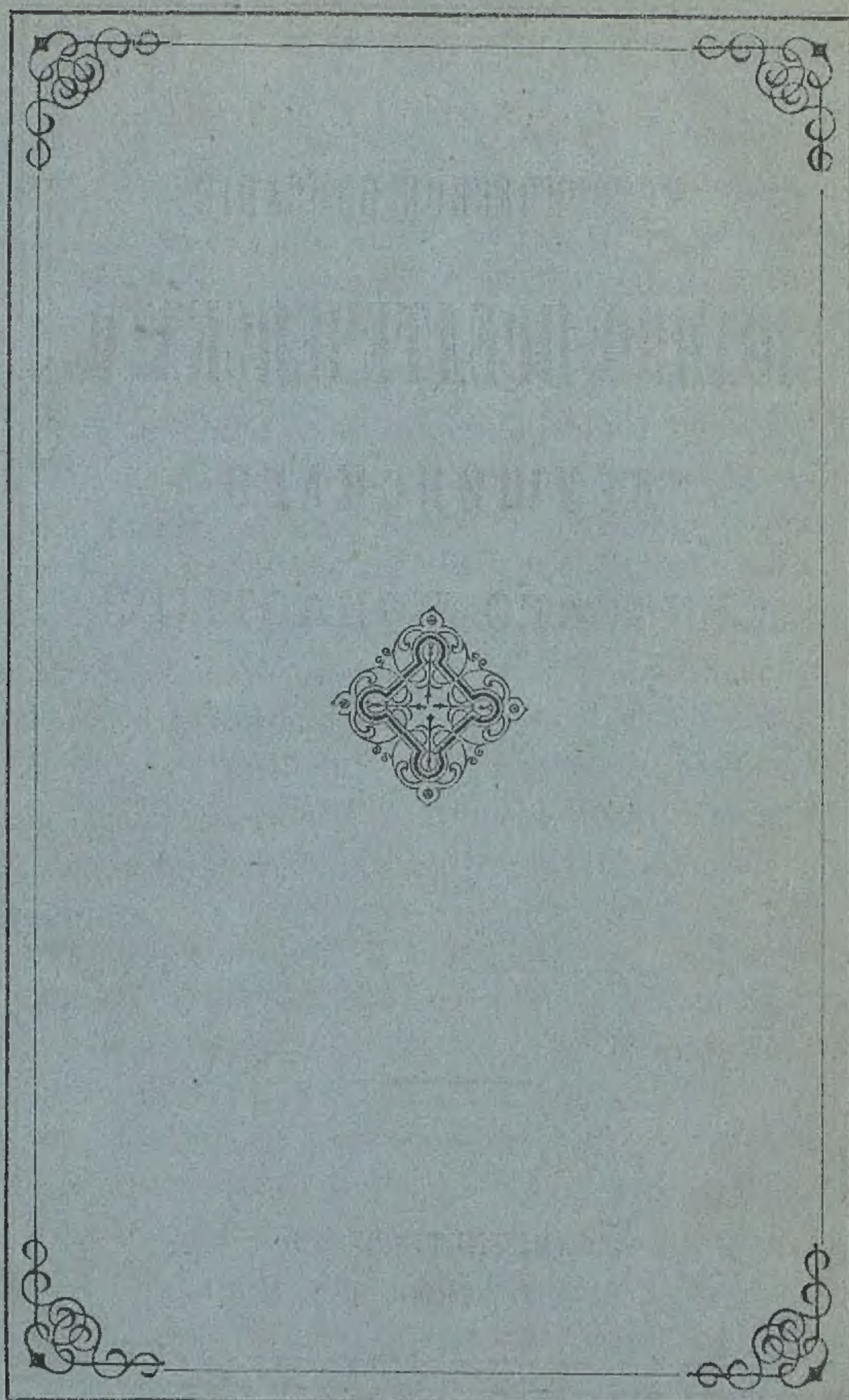
церковнаго причта, 1 часовню и домъ въ своемъ уѣздномъ городѣ Череповцѣ, 1 скитъ, состоящій изъ часовни и келлій по обѣимъ ея сторонамъ, въ 1-й верстѣ отъ монастыря, гдѣ живутъ старицы, занимающіяся неусыпаемымъ чтеніемъ псалтири. Пристань пароходная на рѣкѣ Шекснѣ—на ближайшемъ разстояніи отъ обители; въ одной изъ 2-хъ каютъ пристани устроена часовня, въ коей каждый разъ при остановкѣ пароходовъ служатся молебны, при чемъ священникъ и встрѣчаетъ и провожаетъ пароходъ, осѣняя его крестомъ.

Достаточное число постоянно ремонтируемыхъ и прибавляемыхъ монастырскихъ служебныхъ и хозяйственныхъ построекъ удовлетворяетъ сельскому хозяйству монастыря, состоящему приблизительно изъ 60-ти десятинъ пахатной земли, засѣваемой рожью, овсомъ, пшеницею, ячменемъ, гречею и клеверомъ. Вообще и въ хозяйственномъ и въ строительномъ отношеніи монастырь довольно уже благоустроенъ, и все благодаря неусыпнымъ попеченіямъ и трудамъ какъ настоятельницы, такъ и всѣхъ сестеръ.

Въ 1887 году преосвященный Анастасій вторично посѣтилъ монастырь для совершенія въ немъ закладки каменнаго храма. Вотъ какими лестными словами отозвался владыка въ этотъ

разъ о состояніи обители: «можно бы пожелать, чтобы и всѣ обители были подобны этой! Вамъ, матушка, честь и спасибо за труды; но не имъ приписывайте процвѣтаніе вашей обители, а великой милости Божіей, предстательству великаго Предтечи Іоанна и благословенію Небесной Заступницы и Покровительницы вашей обители, благоволившей избрать и освятить мѣсто сіе во славу великаго имени Божія и во спасеніе душъ человѣческихъ!»

Этими словами закончимъ пока и мы наше повѣствованіе о возникновеніи и начальномъ устройствѣ Леушинской Іоанно-Предтеченской женской обители. Дай, Господи, ей и въ будущее время большаго и лучшаго преуспѣянія и усовершенствованія въ мѣру возраста исполненія Христова.

2007059405